

РИНА БЕЖ

РАЗВЕДЁНКА

ПРИЛИЧНО

за 40

Рина Беж

Разведёнка прилично за 40

«Литнет»

2026

Беж Р.

Разведёнка прилично за 40 / Р. Беж — «Литнет», 2026

– Зоя, ты не представляешь, каким серьезным и страшным людям я должен денег. Но не волнуйся, – убеждает меня муж, заглядывая в глаза. – Я всё решу. – Не волнуйся?! Решишь?! Как? – Есть кое-какие варианты. Я уже всё придумал... ***** Муж предал и сбежал, квартиру отняли за долги, с работы попросили уйти по собственному желанию... Я думала, моя жизнь рухнула, и теперь остается просто выживать. Но мир не без добрых людей... да и я еще могу удивлять! Причем, не только себя, но и окружающих! Я – разведенка, которой прилично за 40, но это совершенно ни о чем не говорит! ✓# Жизнь после развода ✓# Новые отношения ✓# Хэппи-энд ✓# ОДНОТОМНИК История участвует в литмобе "Мы после развода";♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

© Беж Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
От автора	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Зоя

Никогда не любила косиножек.

Жуткие они. И очень неприятные.

Брюшко маленькое и кругленькое. Лапки длинные и тонкие... Бр-р-р...

Кто ж знал, что именно один из этих шустрых жутиков положит начало знакомству с моим будущим мужем?!

Вторым по счету.

Единственным, кого я, не боясь, смогу назвать настоящим мужиком, ответственным, надежным, умеющим держать данное слово, и *СВОИМ МУЖЧИНОЙ*...

Но всё по порядку...

За несколько месяцев до судьбоносной встречи...

– Мам, ты только не волнуйся, окей?! – звонко выпаливает мой младший отпрыск, едва я принимаю от него вызов.

Убабляю громкость динамика, чтобы разговор с громкоголосым от возбуждения сыном не стал достоянием всех присутствующих, и мысленно троекратно осеняю себя крестом. Радуюсь, что спокойна, как удав.

Перед докладом об экономическом состоянии нашего района, который я должна представить слушателям с трибуны минут через пятнадцать вместо так невовремя заболевшего заместителя главы, я заранее закинулась таблетками пустырника.

Двойной дозой... с половинкой. Потому что ужасно боюсь сцены.

Выступать под десятками внимательных глаз: замминистра по экономическому развитию области и его команды, глав и заместителей районов и совсем мало таких же, как я, председателей комитетов, тот еще экстрим.

Как говорит мой младшенький, пусть и ругаю его за это, ссыкотно мне. А надо, чтобы я смотрелась зрело и уверенно, и голос мой звучал ровно и спокойно, без писка, фальцета или, не дай бог, заикания.

– Я не волнуюсь, Дим, – заверяю сына, отходя подальше от остальных. – Говори, что опять учудил?

– Это не я учудил! – не соглашается он. – Точнее, я... но вместе с Борькой.

– Лукашиным?

– Ага.

Даже не удивляюсь. Девяносто процентов встреч с классным руководителем моего неугомонного ребенка происходит именно из-за стычек этих двоих. Двенадцатилетние подростки никак не могут ужиться на одной территории и постоянно конфликтуют.

– Меня опять в школу вызывают? – догадываюсь о следующих Димкиных словах.

– Точно.

– И что на этот раз? – вновь возвращаюсь к насущному.

– Э-э-э... в общем, мам, мы на физкультуре на лыжах катались на время. Ну и я Борьку догнал и стал обгонять. А ему это не понравилось, и он палкой ударил мне в лицо.

Красочно представляю, как острый металлический наконечник лыжной палки летит в румяное от мороза лицо моего сына и...

Твою ж мышь!

От вариантов, которые могут последовать вслед за «и...» становится дурно. Там же тонкая кожа, губы, зубы, глаза.

Мои ноги перестают слушаться и начинают подрагивать. Чтобы позорно не свалиться на пол, упираюсь ладонью в подоконник, до которого так вовремя дошла. Для любой матери дети – это самое дорогое. Я – не исключение.

– Что с лицом? – хриплю, глядя в окно, но ничего за стеклом не видя. Перед глазами улыбка любимого чада... чистая, слегка наивная, но такая открытая.

– Да ничего такого, мам. Не волнуйся, – успокаивает меня ребенок. – Царапина с синяком под глазом, но ее медсестра уже обработала и пластырем заклеила. Крови немного было. Зато у Борьки нос разбит и фингал огромный.

На последних словах Димка, судя по интонации, раздувается от гордости. И надо бы его одернуть, сомнительный повод для радости, как не крути, но я только выдыхаю.

– Фух! – и пусть мои дальнейшие слова тоже, наверное, звучат неправильно, добавляю. – Ну и слава богу!

Главное, сын живой и почти здоровый. Без травм. А с остальным разберемся. Не привыкать.

– Ага! – поддакивает Димка моим мыслям. И выпалив, что Елена Анатольевна, классный руководитель, в связи с моей сегодняшней командировкой, ждет в школе завтра к восьми утра, скомкано прощается и сбрасывает вызов.

Не до конца пришедшая в себя после хорошей встряски, то есть разговора с ребенком, доклад делаю на раз-два. Текст сам слетает с губ, четко, отрывисто, без запинок. Страх перед сценой? Его во мне больше нет. Отбоялась я по другому поводу.

– Лихо ты отстрелялась, Зой! Молодец, – комментирует мое выступление Наталья Рогова, бывшая моя коллега, а ныне исполняющая обязанности замглавы небольшого района, расположенного в трехстах километрах от моего, на границе областей. И даже большой палец вверх поднимает.

– Спасибо сынуле, – хмыкаю, занимая соседнее с ней место. – Так взбодрил, что ух! Весь мандраж сбежал и не вернулся.

– Так это ж замечательно.

– Ну да, – киваю, решая не вдаваться в подробности. – Кстати, Наташ, поздравляю с новой должностью. Мне Титоренко, – имею ввиду своего непосредственного начальника, – только вчера об этом рассказал.

– Спасибо, – улыбается Рогова и, наклонившись поближе, доверительно шепчет. – Представляешь, у нас вся администрация опустела. Зубарева, бывшая управделами, в область на теплое место умотала и всех своих ставленников с собой забрала. Пятнадцать человек как ветром сдуло. Вот меня и повысили. Теперь мы срочно новых специалистов ищем. Но сама знаешь, какая с хорошими кадрами напряженка в удаленных районах.

Глава 2

Зоя

В город из областного центра мы с водителем возвращаемся в начале шестого вечера.

Пока я освободилась, пока по пробкам едва ползли. Да и дорога не близкая, больше ста с лишним километров по не особо хорошей трассе. Плюс перемело сильно. Думается, вторая половина марта, весна на дворе, но нет. Зима ни в какую уходить не хочет, снегопадами день через день балует.

– Зоя Михайловна, может, вас сразу домой закинуть? – уточняет Роман, когда мы пересекаем табличку с названием нашего населенного пункта.

Глянув в сторону водителя, сначала думаю отказаться. С собой увесистая папка с документами. Ее бы лучше в кабинет закинуть, чтобы завтра в пакете не тащить. Тем более, еще утром в школу к Юрьевой заходить придется. Но темень на улице и шквалистый ветер, что горстями кидает в лобовое и боковые стекла охапки снега, заставляют передумать.

Не хочу высовывать нос на мороз. Там неуютно и плохо. А в салоне тепло и хорошо. К тому же я устала сегодня, как собака. Не столько физически, сколь морально. Для меня поездки в область – всегда неизменный стресс.

– Да, Ром, если несложно, закинь, пожалуйста, – соглашаюсь, растягивая губы в благодарной улыбке.

– Без проблем. Сделаю в лучшем виде.

Выслушав адрес, Куликов согласно кивает и сворачивает с Главной улицы, ведущей к администрации, в сторону Восточного проезда. Пересекает мост и двенадцать минут спустя паркует Ниву-шевроле во дворе старенькой маминой пятиэтажки.

Хотя у нас в городе практически все дома старенькие. Нового строительства как такового давно нет. Только частники в поселке «нищих» свои коттеджи под два и три этажа возводят.

– Получается, вы к себе в новую квартиру так еще и не переехали?

Вопрос Романа не удивляет. О том, что мы с мужем три месяца назад поменяли однокомнатную квартиру на трехкухонную с доплатой, он в курсе. Его старший родной брат на моего Сергея работает. Отделочником в строительной бригаде.

У мужа свой бизнес. Ремонт квартир под ключ. Почти двадцать человек в штате. Только у нас в городе они редко заказы берут. В основном по знакомству. На постоянной в областном центре и Москве работают, где за тот же квадратный метр площади платят в несколько раз больше, нежели на периферии.

– Да какой переезд, Ром?! – отмахиваюсь, качнув головой, и, обернувшись, забираю с заднего сиденья пакет с документами. – Там ремонт делать надо. И не только косметический, а конкретный. Со снятием сгнивших полов и очисткой потолков и стен. Квартира после бабушки, сам понимаешь, какие ароматы витают, – морщусь нос. – А еще Серёжа сказал, что надо все трубы менять и радиаторы отопления. Так что, дай бог, к лету переберёмся.

– Понятно. Ну ничего, время быстро бежит. Почините, – Куликов подбадривающе улыбается. – Главное, стены есть, а в наше время это уже хорошо.

Киваю. Точно подмечено. Ценники на жилье даже в нашем захолустье такие, что мама не горюй, особенно по сравнению с зарплатами.

Поблагодарив за доставку до подъезда, прощаюсь. Выбираюсь из теплого салона в мартовскую стужу и моментально ежусь. Ветер во дворе заметно тише, но всё равно так и норовит заглянуть под пуховик.

Накинув на голову капюшон, машу отъезжающей машине и, слегка наклонившись вперед, устремляюсь в сторону подъезда. Заношу руку, чтобы набрать цифры в домофоне, но передумываю и вытаскиваю из кармана телефон.

– Мамуль, привет! Я уже приехала. Возле дома стою, – тараторю скороговоркой, едва мама снимает трубку. И чуть медленнее. – Ты глянь, пожалуйста, нам хлеб или батон купить не надо? Если что, я в магазин забегу, пока не поднялась наверх.

Тишина, что образуется, когда я замолкаю, меня никак не напрягает. А вот тихий всхлип родного голоса еще как.

– Мам? Что случилось? – выпаливаю и замираю, старательно прислушиваясь ко всем звукам. Но мама пояснений не дает, только жалобно просит:

– Зоенька, ты... ты домой лучше иди...

– Ладно, – соглашаюсь, но тут же накидываю вариант. – Ты из-за Димки, что ли, расстроилась? То, что он снова подрался?

– Димка? – переспрашивает она явно удивленно и, не дожидаясь ответа, признается. – Нет. Не с Димочкой беда, а с Серёжей. Зой, кто-то сильно избил твоего мужа.

От автора

Дорогие читатели, история **«Разведенка прилично за 40»** пишется в рамках литмоба «Мы...после развода»: <https://litnet.com/shrt/kX8U>

Будет интересно, эмоционально и переживательно, а еще жизненно и позитивно, несмотря на кучу проблем, что выльются на голову главной героини.
Присоединяйтесь!))
♥#

Глава 3

Зоя

Моего мужа избили?

Кто?!

Хотя, нет! Не так.

Что за... бред?! Вот правильный вопрос.

Не помня за собой: выключаю телефон или нет, засовываю его обратно в карман и слегка трясущимися пальцами жму на кнопки домофона. Прوماхиваюсь, тихо матюгаюсь себе под нос, и, всё сбросив, повторяю последовательность заново.

Меня потряхивает. И холод с ветром тут совершенно ни при чем.

Дрожу из-за переживаний.

А еще мне жарко. Настолько, что подмышки потеют, а тонкая шифоновая блузка неприятно прилипает к верхней части спины.

Может, мама что-то не так поняла?! Возраст всё-таки... Семьдесят почти. Или новостей и сериалов пересмотрела...

Убеждаю себя, взлетая вверх по лестнице.

Один пролёт, второй, площадка. Еще этаж.

На третьем возле двери притормаживаю, шумно выдыхаю, на секунду прикрывая глаза, и рывком открываю дверь.

Маме киваю, потом поговорим, и, не снимая обуви, устремляюсь в комнаты, которые она нам с детьми выделила в своей трешке.

На пороге спальни едва не спотыкаюсь.

– Серёж, ты где? – сиплю, сама не узнавая свой голос.

Хватает одного короткого взгляда на моего обычно непоседливого мужа, чтобы понять: с Сережей приключилась беда, настоящая, а мама, к сожалению, не ошиблась.

Мужчина, с которым я прожила двадцать три года и знаю, как облупленного; который не может усидеть на одном месте больше пары часов, потому что у него в попе шило, и ему вечно надо бежать, что-то решать с кем-то созваниваться; кто предпочитает находиться за рулем авто с утра до ночи, нежели отлеживать бока на диване, сам на себя не похож.

Практически днём – стрелка часов даже до шести еще не доползла, – он валяется на кровати, свернувшись в компактный клубок, обняв себя одной рукой за живот, второй прикрыв лицо и подтянув ноги повыше.

– Что случилось, эй? – обрушиваю на мужа новый вопрос, приближаясь и присаживаясь возле него на корточки.

Он не отвечает... а едва я притрагиваюсь к его голове, чтобы убрать упавшую на глаза челку, дергается и откидывает мою ладонь.

– М-м-мм... не трогай, Зой... больно...

И тут же шипит сквозь зубы, снова прикрывая торс.

В то, что он не врёт о боли, верю моментально. На скуле мужа уже наливается здоровый синяк и на подбородке кровавая черкотина.

– Где еще больно кроме лица? – пытаюсь разобраться.

Сергей словно нехотя, будто ему стыдно за собственную слабость, тянет край футболки вверх и оголяет торс. Практически черные кровоподтеки на боку и животе заставляют всё внутри меня сжаться.

– Похоже ребра сломаны...

Отвечает муж на незаданный вопрос и тут же отказывается, когда я настаиваю поехать в травмпункт.

– Нет. Нельзя мне в больничку.

Нельзя?

Почему нельзя?

Вопросы копытя, наслаиваясь один на другой. Растерянная, еще раз внимательно осматриваю супруга и, нахмурившись, уточняю:

– Серёжа, так кто это сделал?

Меня настораживает тот факт, что костяшки на его руках чистые. Без ссадин и потертостей. То есть, когда его избивали... он, в юности посещавший секцию бокса и точно умеющий махать кулаками, не сопротивлялся... и позволял так с собой поступать?!

С чего бы?

Что за странная дичь?!

– Зой, это неважно.

– В смысле, не важно?! – распахиваю глаза шире, даже голос силой наливается. – Нет, родной мой. Ошибаешься. Это очень важно! Потому что это напрямую касается твоего здоровья и безопасности. Надо поехать в травму, снять побои, а потом в полицию, чтобы написать заявление.

Дрожь, которая одолевала меня еще до прихода домой, оказывается, так и не прошла, и теперь становится сильнее. Даже зубы стучат.

Меня пугает происходящее, как и бездействие мужа.

А он, вместо того чтобы меня успокоить и всё объяснить, добивает признаваясь в том, о чем я даже помыслить не могла...

– Не лезь в это дело. Только хуже сделаешь. Ты даже не представляешь, как круто я попал и каким серьезным и страшным людям теперь должен денег.

Глава 4

Зоя – Должен денег? Ты?

Сама себе напоминаю всё повторяющего за другими попугая, но это потому, что озвученная информация в моей голове никак не укладывается.

– А чему ты так удивляешься? – вспыхливо заявляет муж. Он поджимает губы и смотрит на меня укоризненно. – Я – обычный человек и могу допускать промахи. Могу ошибаться. Разве нет? Вот ты, Зоя. Разве ты никогда не ошибаешься?

– Ошибаюсь.

Мой ответ не заставляет себя ждать.

Мы каждый день в чем-то бываем неправы – глупо спорить, но ошибка ошибке рознь. Не за каждую ошибку человека избивают так, что на нем почти живого места нет.

– И сколько ты должен? Когда нужно вернуть долг?

Спрятав взгляд за ресницами, Сергей не спешит с ответом. И чем дольше он молчит, тем безумнее стучит мое сердце.

– Серёж, не молчи, поговори со мной, – прошу его, потому что еще пара мгновений пугающей тишины, и мое сердце точно пробьет грудную клетку и выскочит наружу. – Поделись. Мы – же одна семья. Значит, и проблемы у нас общие. Давай мы без нервов всё спокойно обсудим и постараемся найти выход.

– Нет выхода, Зоя, – кривая усмешка Решетина напоминает восковую маску и откровенно меня пугает. – Сумма запредельная. А срок...

Слова резко сменяются смехом, истерическим и совсем нерадостным. А еще коротким. Потому что почти сразу муж хватается за ребра и, ткнувшись лбом в подушку, стонет. А когда замолкает, глухо добавляет:

– Срок всего один месяц.

– Один месяц... – повторяю вслед за ним, сжимая кулаки, останавливая себя от необдуманных действий.

Мне очень хочется до него дотронуться, погладить, поддержать. Но лучше не стоит. Вдруг нечаянно причиню ему дополнительную боль.

– Серёж, ну, это же не так мало... – стараюсь подбодрить, мысленно переводя один месяц в тридцать дней, а заодно подсчитывая отложенное на черный день.

На одном срочном вкладе четыреста тысяч до мая лежат. На втором до июня еще сто пятьдесят. Дома в конверте, спрятанном в комод, двести... или уже двести двадцать? Кажется, я добавляла туда с последней зарплаты. Или это двести стало после того, как добавила? Ладно, посмотрю. Еще в кошельке пятерка есть.

Решетин на мои слова только морщится:

– Зоя, я в любом случае не найду двадцать лямов за месяц. Да я и половину сумму вряд ли достану.

С-сколько? Двадцать миллионов?

Я даже мысленно заикаюсь, проговаривая цифру.

Это ж куда столько ему понадобилось, если в нашем городе отличную трешку с хорошим ремонтом в центре можно купить за четыре? Ну ладно, пять.

Ноги перестают держать. Чтобы не упасть, хватаюсь за прикроватную тумбу, опираюсь на нее и, подтянув поближе банкетку, тяжело на нее опускаюсь.

– Почему так много?

Мой голос сипит, переполняясь эмоциями, но меня в последнюю очередь это волнует. Главное, ответ.

– Лопухнулся! Поставил не на тех! – злобно бурчит Сережа.

А у меня от его слов волосы на голове едва не шевелятся. Я правильно услышала то, что услышала?

Он поставил не на тех?

Это же не... повторение прошлого?

– Ты, что, снова играть на деньги начал?

Желание поддерживать супруга резко ослабевает. Омерзение накатывает волнами.

Когда Инге, нашей старшей дочери, исполнилось три годика, Сергей пропал на несколько дней. А вместе с ним вся заначка, отложенная мною на черный день. Я паниковала, хотела даже в полицию обратиться. Но родители мужа попросили не паниковать.

Блудный муж вернулся сам через сутки, заросший, в одежде не первой свежести и явно с большого бодуна... но живой и здоровый. Оказалось, он топил горе в бутылке, проигравшись в игровые автоматы. Тогда-то я и узнала о болезненной тяги любимого супруга к азартным играм.

Был большой скандал, вплоть до развода. Для меня никак не могло дойти, как можно оставить семью без денег и спустить их в унитаз ради своих хотелок. Мой папа, умерший за год до моей свадьбы, такого никогда себе не позволял. Он нас с мамой обожал, всё нес в семью, а не из нее.

Сережа стоял на коленях, умолял дать ему шанс исправиться. Инга, обожающая папочку, плакала с ним на пару...

И я сдалась.

Не сразу. Почти год приглядывалась. Но всё было хорошо. А потом случилось чудо. Думаю, не только для меня, но и для многих семей на нашей необъятной родине. Казино и залы игровых автоматов по всей стране закрыли. Я выдохнула с облегчением...

А теперь...

– Я не играл, Зоя. Я просто делал ставки на спорт, – поправляет меня Решетин, будто это имеет какую-то принципиальную разницу. – Даже выигрывал много раз. А тут будто полоса невезения какая-то накрыла... Всё против меня!

– Подожди!

Вскидываю ладонь, жестом прося замолчать, и, приложив пальцы к вискам, их растираю. В голове болезненно пульсирует.

У меня всякий раз такое, когда сильно понервничаю.

– Но двадцать миллионов, Сережа, это запредельная сумма... ты ж не полный идиот? Ты не мог поставить их все за один раз на кон?..

Прежде чем ответить, Сергей, стискивая зубы и морщась, поднимается с кровати. Судя по всему, выпрямиться до конца он не может, стоит, согнув спину. Видно, ребра действительно сломаны.

– Нет, конечно, Зоя. Я – не идиот. Я по чуть-чуть ставил. Просто всё время мимо. Говорю ж, полоса черная...

Муж морщится. Смотрит на меня побитой собакой.

А у меня в ответ ничего не откликается. Нет к нему жалости. Ни грамма.

Будто что-то оборвалось после его фразы про ставки. Ведь он снова сделал это с нами. Пусть и спустя долгие семнадцать лет, он снова предал доверие.

Глава 5

Зоя

Чтобы не сорваться и не наговорить того, о чем потом точно пожалею, захватываю из шкафа домашнее платье и покидаю спальню. В ванной, прежде чем переодеться, залезаю под душ.

Настраиваю комфортную температуру и, упершись ладонями в белоснежную с серыми разводами кафельную плитку, закрываю глаза. Запрокидываю голову и подставляю лицо под упругие струи.

Говорят, вода успокаивает и уносит с собой всё плохое...

Вот было бы здорово, чтобы и из моей памяти она вымыла последние болезненные, наполненные пониманием случившегося кошмара, полчаса. Но, к сожалению, легче не становится. Хорошо, хоть согреваюсь.

С влажными волосами, с которых еще изредка срываются прозрачные капельки, и в своем уже видавшем виды, но от этого не менее любимом зеленом платье бреду на кухню.

Мама у плиты разогревает ужин, но, услышав мои шаги, сразу оборачивается.

– Зой, ну что там с Сережей?

Волнение в ее глазах, украшенных легкой сеточками морщин у внешних уголков, совсем не выглядит наигранным. Переживает.

Хочется промолчать, не расстраивать ее, но не всегда молчание – золото.

– С Сережей? – горько хмыкаю и, прежде чем ответить, прислоняюсь плечом к поклеенной моющимися обоями в розово-голубой квадратик стене. – Проблемы у нас с Сережей, мам. Подлость совершил мой муж... пусть и обещал так больше не делать.

– Загулял что ли?! С любовницей?!

Мама всплескивает руками и, глядя на меня во все глаза, прижимает их к груди.

Ну да, это первое, что в нынешних реалиях приходит в голову.

Про измены только ленивый не судачит. Ток-шоу, фильмы, книги, интернет – всё изменам посвящено. Люди как с ума посходили. И мама, сидящая на пенсии и большей частью занимающаяся готовкой и просмотром телевизора – для дачи и посадок зима – не сезон, естественно, всё это смотрит.

– Да лучше б с любовницей, честное слово! – признаюсь в сердцах.

Дешевле бы вышло.

– А что тогда?

– Долги у него. Большие.

– Долги? Ой, батюшки! – снова очень эмоционально реагирует мама. – На работе, что ли, всё худо? Разорился? – и без паузы, словно в оправдание. – А знаешь, неудивительно. Налогито, говорят, так сильно подняли, что многие обанкротились и закрываются.

– Про работу не знаю, – качаю головой и, оттолкнувшись от стены, иду к кувшину с холодной водой. Наливаю полный стакан и за раз выпиваю. – Он сказал, что на ставках проигрался. Вот на таких, как понимаю.

Указываю подбородком в сторону небольшого телевизора, висящего на стене. На нём, будто по заказу, включается реклама известной букмекерской конторы.

– Он, что же, снова играть начал?

Риторический вопрос. Ответ-то уже озвучен.

Мама не глядя дотягивается до ручки плиты и выключает под сковородой конфорку. Опираясь на подоконник, усаживается на табуретку.

– А много долгов, Зой? – смотрит на меня.

Назвать сумму язык не поворачивается. Но я все же его заставляю.

Вытаскиваю из себя сумасшедшую цифру, которую никогда в руках не держала, и киваю, когда мама неверяще выдыхает.

– Обалдеть, не встать! Он совсем ополоумел?!

Я б сказала еб..нулся, но при маме не хочется ругаться.

Да и разговор приходится закруглить. Лязг металлического ключа в замке подсказывает, что кто-то из детей вернулся. Либо Димка с секции. Либо Инга из колледжа.

– Мы дома! – кричат ребята хором, а следом из прихожей доносится шорох, веселые подтрунивания дочки и смешки сына.

– Я пока ничего им не буду говорить, – предупреждаю маму и иду встречать и обнимать своих роднuleк.

Приглашаю в мою новинку "Бывшие. Вернуть всё назад" https://litnet.com/shrt/cY_9

– Значит, у тебя дочка, – кивает сам себе Данилевич и вдруг хмурится, обжигает меня холодом. – Она моя?
 Мы не виделись семь лет. Я, честно, уже и не надеялась. Ведь для этого кое-кто приложил туеву кучу усилий. Буквально стер меня как личность и переписал жизни всех моих родных заново.
 И на тебе, пожалуйста, чудеса случаются. Даже когда их уже не ждешь. Даже против воли наделенных властью небожителей.

Глава 6

Зоя

Новую попытку поговорить решаю предпринять после того, как отправляю детей к бабушке на кухню ужинать. Сама от еды отказываюсь. Спасибо благоверному, кусок в горло не лезет.

– Серёж, объясни мне, что ты теперь собираешься делать? – спрашиваю, едва переступаю порог спальни.

Меня интересует момент погашения долга, но муж интерпретирует вопрос по-своему.

– Я собираюсь всё-таки поехать в больницу. Слишком сильно болит грудь, едва дышу.

Взгляд, который он при ответе на меня кидает, насквозь пропитан обидой за мою холодность. Кажется, Сергей не только надеялся, а был твердо уверен, что я не просто остыну, но и приду его поддержать и пожалеть.

Только к его расстройству ни на какую жалость мне растрачиваться не хочется. Я б еще сильнее ему поддала, если б знала, что это поможет вправить потекшие мозги на место.

– Хорошо, поезжай, – соглашаюсь и тяжело опускаюсь на банкетку.

В моей голове каша и страх.

Что теперь будет? Как нам дальше жить? Справимся ли мы с такой напастью?!

Двадцать миллионов...

Сил держаться гордо и независимо остается всё меньше.

Неправда, что только в молодости женщины мечтают оказаться на ручках сильного и умного мужчины и оставить ему решать все проблемы. Взрослым тётенькам этого хочется не меньше. А порой даже больше...

На мои слова Сергей удивленно моргает и еще не меньше минуты вопросительно смотрит в мою сторону.

Не знаю, чего он ждет. Может того, что я одумаюсь, подскочу, чтобы подставить ему плечо и помочь подняться, а следом метнусь к шкафу и начну доставать удобную одежду? Свитер, в котором ходил днём, он со своими ребрами вряд ли теперь скоро наденет. А после предложу, нет, скорее попрошусь составить ему компанию в травмпункт?..

Я же думаю о насущном. О нас с ним. О том, как он умудрился опуститься на самое дно и ничем этого не показать, а я проморгать сей факт.

Это он такой хитрый и скрытный с возрастом стал?

Или я настолько расслабилась, привыкла ему доверять безоговорочно, что ничего дальше собственного носа уже не вижу?

– Ну, okay, – нарушает тишину недовольное бурчание.

Не дождавшись моей активности, муж отводит взгляд в сторону, будто я для него резко исчезаю, и медленно, опираясь на тумбу, поднимается самостоятельно. Шумно дыша и шаркая пятками по паласу, идет к шкафу.

Тот находится у меня за спиной.

Но я не оборачиваюсь, чтобы проследить, как Сергей будет справляться, не спешу подсказать, где найти нужное. Просто сижу и... сижу.

По шороху и редким матюкам с шипением под нос догадываюсь, что собственные злость и бессилие он срывает на ни в чем неповинной одежде, и постепенно выглаженные и аккуратно разложенные вещи превращаются в груды скомканных и кое-как утрамбованных в отсек тряпок.

Пусть.

Вмешиваться не буду.

Но прояснить один момент хочется уже нестерпимо.

– Серёж, ответь мне хотя бы, как ты собираешься отдавать долг? У тебя есть какое-то решение?

И вот тут он срывается.

– Зоя, ты понимаешь, что мне сейчас очень плохо, у меня всё болит, и голова совсем не работает?! – повышает голос Решетин. – Нет?! Не понимаешь?! А жаль! И обидно! Мне плохо, милая, пойми это! Мне. Плохо! И да, я осознаю, что натворил! Осознаю и постараюсь всё решить. Только не сегодня, окей, а завтра. Дай мне хотя бы немного времени прийти в себя! Не пили и не дави!

– Хорошо, не буду.

Кивая, сама себе напоминая китайского болванчика, и следом за ним, кое-как собравшимся, покидаю комнату. В прихожей дожидаясь, когда обуется и выйдет в общий коридор. Запираю дверь и без сил прислоняюсь к ней спиной.

Обнимаю себя за плечи, стараясь согреться.

– Мам, что-то случилось?

Две серьезные моськи детей выглядывают из-за поворота, уходящего на кухню. Смотрю на двадцатидвухлетнюю Ингу, задавшую вопрос, на двенадцатилетнего Димку, жмущегося к сестре. Обманывать не хочется, но и говорить правду тоже.

– У папы проблемы, – отвечаю обтекаемо.

– Проблемы – это плохо. Но он же справится, он – мужик!

Сын ни на секунду не теряет веру в отца.

Мужик... справится...

Растягиваю на губах улыбку. Это лучше, чем говорить, что в данном утверждении я почему-то сомневаюсь.

Глава 7

Зоя

Сергей домой не возвращается ни в восемь, ни в девять, ни в половине одиннадцатого вечера.

Обеспокоенная, я звоню ему на мобильный несколько раз, но неизменно натыкаюсь на равнодушное: «Абонент находится вне действия сети». А едва приходит эсэмэска, что он вновь в зоне доступа, как меня теперь сбрасывают принудительно, а следом отправляют сообщение.

«Я у родителей. Уже сплю. Не звони. Завтра поговорим»

– Ну завтра, так завтра, – едва слышно шепчу себе под нос и в кои-то веки занимаю не правый край кровати, а середину. – Может, так даже лучше. Никто на ухо храпеть не будет. И выплюсь.

На ухо действительно никто не храпит, но и сон, зараза этакая, из-за потраченных нервов никак не приходит.

И так верчусь, и этак. Натягиваю одеяло до шеи и скидываю его в ноги. Несколько раз взбиваю подушку и даже переворачиваю «холодненькой» стороной вверх. Раздражает неудобством абсолютно всё. Уснуть ничего не помогает.

Еще и мысли... бесконечные, навязчивые, утомительные...

Я то ругаю Сергея за игроманию; то строю с ним диалог, доказывая, как он не прав и безрассуден; то матерю тех, кто дал ему в долг – ну вот кто их просил?!; то обмозговываю, как поступить, чтобы спасти нашу семью...

Бег по кругу... снова и снова...

Ы-ы-ы...

Да сколько ж можно?!

В половине третьего, в конец измотавшись и чувствуя себя старой разбитой калошей, которой глаза хоть ниткой сшивай, чтоб утомонилась, плетусь на кухню и выпиваю стакан воды. Сразу не ухожу. Остановившись у окна, вглядываюсь в ночь.

Единственный на весь двор фонарь тускло освещает усыпанный снегом небольшой участок территории между нашим и соседним подъездом. Метель утомонилась. Даже ветер стих. Хорошо так...

Вот и моим бы мыслям утихнуть. Загадываю и возвращаюсь в постель. Засыпаю. А утром, всем сердцем ненавидя орущий будильник, едва разлепляю глаза.

Зеркало не радуется. Из-за стакана воды и недосыпа лицо выглядит заметно пожеванным, да еще с мешками там, где их видеть не хочется.

Спасибо косметике, именно она с трудом, но делает из меня человека... привлекательного.

– Дим, в школу вместе идем, – предупреждаю сына за завтраком.

А чуть позже, обуваясь в прихожей, вручаю ему, пока не рванул с рюкзаком наперевес вниз по лестнице, пакет со своей вчерашней тяжелой папкой документов.

А нечего расслабляться, пусть тащит. Не всё мне страдать, нарезая лишние круги от дома до школы и от школы до администрации, да еще выслушивая заунывные речи классного руководителя о том, как надо и как не надо воспитывать детей.

– Привет, Зоя!

– Привет, Свет!

Со своей заместительницей и давней подругой, Светланой Щербининой, которую семь лет назад перетащила из городского отдела статистики к себе в администрацию, встречаемся на крыльце рабочего здания.

– Ты чего уже с утра заряженная? – интересуется она, бегло осматривая меня наметанных глазом.

Дождается, когда я первой приложу пропуск к турникету, и то же самое повторяет следом. Параллельно со мной кивает Николаю, нашему охраннику, и пристраивается сбоку, вышагивая по просторному коридору в сторону лестницы на второй этаж.

– Уже в школе у Юрьевой побывала, – выдаю кратко.

Но подруге хватает.

– О-о-о, ясно. Димка снова отличился, а песочили проблемами воспитания подростков именно тебя, – улыбается понативно.

– Ну а кого же еще?!

– И сколько в этот раз длилась экзекуция?

Хмыкаю.

– Стандартно. Двадцать пять минут, чтоб Елена Анатольевна не опоздала на урок.

О, да я сознаю, что предвзято и даже негативно отношусь к пытающейся «помочь» мне и сыну классухе, но валить с больной головы на здоровую, обвиняя покалеченного ребенка в том, что он сам виноват в травме, потому что спровоцировал, а после, кидаясь умными словами, учить меня, сорокашестилетнюю тетку, ей, двадцатипятилетней нерожавшей девочкой, как правильно воспитывать детей – по мне, явный перебор.

Возле кабинета притормаживаем. Отперев дверь, проходим внутрь. По очереди избавляемся от верхней одежды возле узкого шкафа и расползаемся к своим столам, чтобы переобуться.

У нас так жарко, что высидеть восемь часов в зимних сапогах – нереально. Ноги сварятся.

– Ты выглядишь уставшей, – замечает Щербинина, снова внимательно меня осмотрев.

– Бессонница замучила, – признаюсь и даже ожидаю новых вопросов, но неожиданно нас прерывает короткий стук.

Дверь распахивается и на пороге появляется та, кого я никак не жду. Галина Антоновна, моя свекровь.

– Зоя, здравствуй! Можно с тобой поговорить? Наедине.

Глава 8

Зоя

– Здравствуйте, Галина Антоновна, прошу.

Делаю приглашающий жест рукой, а мысленно недоумеваю: всё настолько плохо, раз свекровь-домоседка с утра пораньше примчалась со мной разговоры разговаривать?

Мать Сергея проходит внутрь и притворяет за собой дверь, коротко кивает Светлане, без стеснения ее разглядывающей, и тут же отворачивается. А у единственного, стоящего возле моего стола стула притормаживает и, прежде чем опуститься на него, расстегивает и подгибает норковую шубу. Длинную, в пол. Подаренную сыном на прошлый новый год.

Мне он в тот год тоже шубу подарил. И тоже норку. Только укороченную. Не потому, что решил сэкономить, в этом я своего мужа ни за что не упрекну – денег он на нас с детьми никогда не жалеет, а потому что я сама такую выбрала. Правда, в отличие от свекрови, ношу ее редко. В пуховике мне как-то комфортнее что ли.

– У вас здесь жарко, – замечание свекрови ни к кому конкретно не относится, потому на пару секунд повисает в воздухе, да так и растворяется.

Угукнув вместо ответа, я переглядываюсь с Щербининой.

Она одними глазами показывает мне в сторону выхода. Мол, мне уматывать или как, начальство? Я так же, едва заметно киваю. Топай, но не с концами, хитрая лиса. А то я тебя знаю! До обеда языком зацепишься.

Светлана дергает уголки губ вверх и, подхватывая стопку бумаг, лежащую на краю стола, произносит уже вслух.

– Пойду к юристам прогуляюсь, отнесу распоряжения на согласование.

– Да, конечно. И вот это для Тумаревой захвати, – передаю подруге бланк с таблицей, которую последней нужно будет заполнить.

– Сделаю в лучшем виде, Зой Михална, – звонко рапортует хулиганка и, послав мне воздушный поцелуй и одновременно подмигнув, скрывается за дверью.

Мысленно закатываю глаза и признаю себе, что даже чуточку ей завидую, сама бы с удовольствием прогулялась к девчонкам в ЖКХ, чем разгребала то, что навертел муженёк, но... сжимаю покрепче зубы и сосредотачиваюсь на Галине Антоновне.

Свекровь, едва дождавшись, когда мы останемся вдвоем, морщится и от души выдает:

– Ты ужасно выглядишь, Зоя! Совсем не спала ночью?

– Да нет, – дергаю плечами, – после трех уснула.

Врать не вижу смысла. Да и она, судя по лицу, в курсе проблем Сергея.

– А вот я не спала, совершенно, – подтверждает мою догадку свекровь и, тяжело вздохнув, продолжает. – Всё думала, считала, как вам из долговой ямы выбраться. Даже в церковь с утра уже сходила. Свечки поставила за здоровье, да за удачу в делах. И ты, Зой, тоже сходи...

Пока родственница по мужу не успевает окончательно сесть на своего любимого конька, меняю тему:

– И что надумали? Есть варианты?

Всё же мне реально интересно, как она предполагает найти заоблачную сумму в столь короткий срок.

– Есть, – кивает Галина Антоновна. – Мы с отцом загородный дом на продажу выставим. У нас сосед по поселку давно на него облизывается. Но если кто дороже предложит, это ж лучше, верно? – в общем-то верно, но мой ответ не особо нужен – родители Сергея уже всё сами решили. Однако я киваю, а свекровь продолжает. – Плюс у нас кое-какие накопления есть. Всё вместе где-то на четыре миллиона выйдет. А это уже большие деньги. Согласись?

Поддакиваю.

Действительно большие.

Я даже не думала, что Решетины-старшие настолько впишутся. Сергей же у них не единственный сын, есть еще Вадим, первенец.

И пока я обмозговываю наличие родственников, свекровь накидывает другие варианты добыть денег.

– Дальше мы твою машину на продажу выставим. Ты все равно зимой на ней не ездешь, только зазря стоит. А еще вашу трешку.

Вот тут я напрягаюсь. Сильно.

Вообще-то трешка – это наше единственное жилье. Причем, не только мое и Сергея, но и наших двоих детей.

И свекровь, словно предчувствуя мой негативный настрой, говорит мягче и проникновеннее...

– Зоя, я прекрасно понимаю, как тебе обидно терять нажитое, но... вы же в той квартире еще и не жили, чтобы расстраиваться. И потом... мы все – одна семья. И проблемы решать должны вместе.

– М-м-мм... вместе... – повторяю вслед за ней и без стеснения уточняю. – А где мы все потом, после продажи нашей квартиры, жить будем?

Свекровь хмыкает и рукой взмахивает, будто вопрос яйца выеденного не стоит.

– Так или у Люды, как сейчас, – имеет ввиду мою мать, – или к нам переберетесь. Разберемся. А если не понравится, так снимете что-нибудь, мы поможем.

Я лишь головой качаю. Как, однако, быстро всё без меня решается.

Только я не согласна!

И едва вечером встречаюсь с мужем, захватившим за мной, чтобы забрать с работы, говорю ему четко и твердо: «Нет!»

– Я не подпишу согласие на продажу квартиры, Сергей! Даже не уговаривай.

Решетин скрипит зубами и молча кивает.

А уже спустя три дня перед самым обеденным перерывом ко мне в кабинет без стука заявляются всем известные в нашем городке братья Борисовы, правая и левая рука Вити Сокола, главного бандита. Под которым даже полиция ходит.

И они не уговаривают. Нет. Кратко, но ёмко кидают:

– Одевайся. Едем к нотариусу.

И так у них это жутко и страшно выходит, что я собираюсь и еду.

Я детям живая и здоровая нужна, а не трупом или калекой в инвалидном кресле.

Глава 9

Зоя

– Решетин, вот объясни мне, недалеко, как ты умудрился связаться с бандитами? Ну как, а? Их же каждая собака в городе знает и ради собственного здоровья дальней стороной обходит. Они столько знакомых обанкротили и загубили, а ты...

Понятно, почему фамилию кредитора, когда требовала, он так и не назвал.

Страшно стало.

Не удивлюсь, если до него, идиота, только тогда дошло, во что он сунулся и с кем связался.

Сергей морщится, не нравится ему мой обвинительный тон, но хоть что-то, чувствуя за собой грехи, проясняет.

– Меня Толян, мой коллега, который тоже в столице ремонтами бизнес-класса промышленности, с одним крутым человечком познакомил. Хозяином большущего гостиничного бизнеса. Тот в декабре в Подмоскovie разорившийся загородный комплекс прикупил и искал бригады, кто сможет быстро и качественно объект отремонтировать. Деньги сумасшедшие. У нас таких за десять лет не заработать. Но там загвоздка какая. Авансы перед стартом дают небольшие, а стоимость материалов, сама понимаешь, огромная. Окончательные выплаты только после сдачи объектов. У Толяна, естественно, оборотки на весь объем работ не оказалось, вот он меня и позвал в субподрядчики.

– Позвал и? – потираю, когда Решетин надолго замолкает.

– Что и? У меня тоже столько свободных бабок не нашлось. Вот я и решил взять деньги у Сокола, тем более, тот мне несколько раз сам предлагал к нему обращаться, если захочу расширяться.

Расширяться?!

Гашу огонь, что вспыхивает, подпитываемый сухими ветками негодования, и, тщательно контролируя голос, уточняю:

– Почему ты мне об этом никогда не говорил?

– А зачем, Зой? Это мужские дела.

– А-ах, мужские... – тяну, не отводя взгляда.

Не знаю, что он видит в моих глазах, но первый сдувается и ерошит на макушке волосы. Только мне теперь его показательные страдания ни к чему.

– Дальше рассказывай. Что я тебя, как маленького, всё за уши тяну и тяну.

Всё же спокойствие прорывается командирскими нотками.

Психанув, Сергей подскакивает на ноги, даже про ребра сломанные забывает. Мечется от окна до шкафа у противоположной стены, так тигр в клетке.

Туда-обратно. Туда-обратно.

Только, к сожалению, на тигра он ни разу не тянет.

Максимум на кошку, которой хвост подпалили...

– Ты все двадцать миллионов у Сокола взял? – задаю новый наводящий вопрос.

Вспенивается.

– Нет, конечно! Я что идиот?!

Молчу. Не отвечаю.

И так ясно.

И пылающий злобой взгляд легко сношу.

Он снова первым отворачивается. Что-то бухтит под нос. Кулаком по подоконнику лупит.

– Нет, только десять, – признается через минуту.

– А остальные десять откуда? – дожимаю.

Ну а как с ним еще?

– Я... – сглатывает и, развернувшись от окна, упирается бедрами в подоконник, а пальцы в замок цепляет. – Остальные – это большей частью авансы того москвича гостиничного. Я их сразу на несколько объектов брал.

– Брал... но ни один не закрыл?

Мотает головой.

– Мне нужно было кое-что в других местах доделать. Зарплаты мужикам выдать. А у Юренкова... мы трижды сдавали ему первый блок. Всё прекрасно сделали. А комиссия его дебильная то к одному прицепится: переделайте, то к другому: рал цвета не тот, то к третьему: плитка дешёвая, поменяйте. И еще куча всяких правок. Нормы, стандарты, задолбали! Я психанул и вообще людей снял. Все равно денег на переделку нет. И платить мужикам нечем.

Ой, дура-а-ак!

Смотрю на мужа и чем дальше, тем больше его не узнаю.

Где здравомыслящий человек? Где предприниматель, который жил своим делом и умом?
Где отец семейства, готовый защищать своих близких?

– То есть, – хмурюсь, – к нам теперь и из столицы кредиторы могут пожаловать?

– Зой, да никто к нам больше не приедет. Я решу вопрос, обещаю.

– И как решишь? – уточняю, не особо веря.

– Я кое-что придумал. У меня получится...

Глава 10

Зоя

Не знаю, что придумывает Решетин и как решает вопрос, но следующие три недели он уходит из дома и возвращается домой затемно. С виду деловой и целеустремленный, но неизменно замкнутый и неразговорчивый. Любитель почесать языком, теперь он постоянно отмалчивается, а на все мои вопросы отделяется одними и теми же словами: «Зоя, я решаю вопрос! Хоть ты мне на мозг не капай!»

Не капаю. Но не потому, что прячу голову в песок, а из-за того, что и сама на работе безумно выматываюсь.

Наступает время подготовки и сдачи в областной департамент прогноза социально-экономического развития нашего района, который затрагивает все сферы деятельности, начиная от здравоохранения, культуры и образования, заканчивая сельским хозяйством, туризмом и инвестициями.

Приходится крутиться, как белка в колесе. Готовить и рассылать десятки писем с запросами о предоставлении информации, созваниваться с финансовыми службами и объяснять, как правильно заполнять те или иные формы, порой даже уговаривать, чтобы откликнулись и не проигнорировали обращение. После собирать «плоды творчества», зачастую сделанные от балды или на коленке, и компоновать всё в огромные экселевские таблицы, попутно заполняя пояснительные записки. И всё это мне одной, потому что Светлана очень невовремя сваливается с простудой и температурой под сорок.

– Мамочка, ты скоро на своей работе не только дневать, но и ночевать будешь, – замечает Инга в субботу утром, обняв меня за плечи, пока я на кухне под горячий чайк быстро уплетаю бутерброд с сыром. – В выходные и те уже работаешь.

Так оно и есть. Работаю. Как раз уже собираюсь убежать.

– Ну ты же знаешь, дочь, конец марта и апрель – самая горячая пора, – отвечаю ей с улыбкой, положив ладони поверх тоненький запястий и те успокаивающе погладив. – Зато летом возьму свой большой отпуск, – из-за выслуги лет он у меня составляет сорок календарных дней, – и поедем куда-нибудь отдохнём.

– Надеюсь, в июле? Я как раз защищу диплом.

– В июле, конечно. Я его и начало августа вписала в график отпусков.

– Какая ты у меня молодец, всё предусмотрела.

Дочка по своей любимой привычке вытягивает губы трубочкой и, мыча: «М-м-м!», дарит мне звонкий поцелуй в щеку, после чего, юркнув рукой через мое плечо, ловко стаскивает с тарелки колбасно-сырной нарезки кусочек салями.

Молниеносно отправляет его в рот и, не переставая быстро работать челюстями, с умным видом выдает:

– О-шень вкуш-но, ма-муль.

Хмыкаю и, отодвигаю уже пустую чашку, предлагаю:

– Давай я тебе чая налью, поешь нормально.

Но Инга отрицательно мотает головой. Заверяет, что есть она ни капли не хочет и вообще собирается идти в кроватку и еще поспать – учебу у них в эту субботу отменили, – но перед уходом, шкодно улыбнувшись, стаскивает еще ломтик сыра.

В администрации, предупредив охрану, что буду работать часов до трех, углубляюсь в цифры и формулы, но уже в начале второго меня отвлекает зазвонивший телефон.

– О, Светланка, привет! Как дела? Как самочувствие? – интересуюсь у подруги и коллеги в одном лице, увидев имя абонента.

– Привет, Зой! Поправляюсь потихоньку. В четверг, надеюсь, выпишут. А то мне уже стыдно, что ты одна на себе всю работу тянешь. А вот про дела даже не знаю, как сказать.

Щербинина ненадолго замолкает, слышу только ее хриплое дыхание в трубку. А когда всё же решает поделиться, я очень радуюсь тому, что сижу.

Если б стояла, точно бы упала.

– Мне Сергей твой звонил. Правда, просил тебе не говорить. Мол, сюрприз сделать хочет. Он надумал кредит брать, чтобы тебе вместо твоей старой машины купить новую, дорогую.

– Чего?

Информация настолько поражает и не укладывается в голове, что выдавить из себя четыре буквы получается не с первого раза. Прокашливаюсь и повторяю вопрос заново.

– Вот и я удивилась, подруга! – верно уловив моё недоумение, звонко выпаливает Света и тут же закашливается. А едва отдышавшись, уже тише произносит. – Поэтому и решила тебе набрать, посоветоваться.

Растираю не занятой телефоном ладонью лицо – глаза, лоб, щеки. И оставляю ее на губах, чтобы громко и звучно не матюгнуться.

Решетин совсем ох..полоумел?!

Какой еще кредит?!

Какая, к чертовой бабушке, машина?!

Светлана, не подозревая о буре, вскипающей у меня внутри, продолжает говорить:

– Заюсь, ты не подумай. Если Сергей действительно хочет сделать тебе подарок, то я без проблем, впишусь. Мне не сложно. Да и зарабатывает он у тебя хорошо, он мне даже расчетные листки свои скинул, чтоб я о платежах не волновалась. Просто кредиты... ты же знаешь, как я их боюсь, после того как мама с ипотекой чуть не прогорела... А тут еще и сумма не маленькая.

Не маленькая?

– Сколько? – выдавливаю из себя сипло.

Хотя меня и без знания цифр неплохо трясет.

Это до чего же Решетин дошел, что к *моим* подругам соваться стал?!

Головой стукнулся?

Или и ее ему отбили?

– Три миллиона, Зой, – признается Света.

И вместо трехэтажного мата, который всё равно не поможет, жестко проговариваю:

– Не вздумай с ним что-то подписывать!

И в несколько предложений, без имен и фамилий, обрисовываю сложившуюся в нашей семье ситуацию. Лучше пусть знает правду, чем помогает, а потом разгребает не свои проблемы.

– Ох-хренеть не встать! – ошеломленно выдыхает Щербинина.

Мысленно с ней соглашаюсь, а попрощавшись, собираю все бумаги в папку, выключаю компьютер и запираю кабинет. Пойду домой. Какой смысл тратить время, если все мысли не о прогнозе, а о выходке мужа?

Глава 11

Зоя

Уже возле дома забегаю в «Магнит», покупаю коробку молока, кое-что по мелочи и в последний момент прихватываю с холодильной витрины упаковку Ленинградских пирожных. Хочется побаловать себя и семью чем-то вкусеньким в сложный период времени.

Звонок в домофон, знакомый этаж, распахиваю заранее открытую мне дверь и громко прошу:

– Ребята, заберите кто-нибудь продукты!

На мой зов из своей комнаты выскакивает Димка.

Неизменные футболка и шорты. Босые ноги. На лице улыбка, на голове наушники.

– Привет, мам, – чмокает в щеку и перехватывает пакет. На кухню сразу не бежит, как того ожидаю, а наклоняется поближе и заговорщически шепчет в ухо. – У нас баба Галя в гостях.

Свекровь?

Замираю, округляя глаза.

Новость неожиданная хотя бы потому, что о визите меня никто заранее не предупреждал. Да и странно это. Обычно Галина Антоновна нас к себе в гости зазывает. С моей же мамой пересекается в основном на семейных праздниках. Нет, они не поругались и общаются неплохо. Просто интересы у них разные, и подругами их не назовешь. А вот с родителями Ольги, жены Вадима, и свекровь и свекор общаются тесно. Каждую неделю к ним в баню и на посиделки ездят. Кстати, по субботам.

Димка, видя мой недоуменный взгляд, пожимает плечами и уносится разбирать продукты.

До слуха доносится шелест пакета и следом радостный вопль:

– Оу, вкусняшка! Инга, беги сюда скорее! Смотри, что мама нам купила.

Усмехаюсь.

А еще говорят, что только женщины падки на сладкое. Хитрая ложь и провокация. Наш Димка любому в этом вопросе фору даст.

Пока дети, поставив разогреваться чайник, шумно выясняют, кто на какие пирожные успел положить глаз и по сколько в итоге достанется остальным, скидываю сапоги, раздеваюсь и прохожу в гостиную. Здравуюсь со свекровью.

– Привет, Зоя, – отвечает она мне. – А мы вот тут с Людой сидим, обсуждаем, как дальше нам всем быть.

Интересно.

И как же?

Поддержнув на коленях брюки, опускаюсь на мягкий боковой валик свободного кресла и опираюсь локтем в невысокую спинку.

– И что надумали? – уточняю, окинув обеих женщин вопросительным взглядом.

Моя мама понятиливо молчит. Для нее сотворенное Сергеем – это что-то нереальное. А уж сумма долга – вообще запредельная. До сих пор в шоке.

Она на пенсию живет, хорошо еще доплату за отца получает. Но где ее восемнадцать тысяч и где двадцать миллионов?

Небо и земля.

Поэтому и с советами не спешит. Больше тяжело вздыхает.

Нет, она неделю назад ко мне подходила, говорила про деньги, что на похороны себе отложила. Предлагала мне их забрать. Мол, хоть какая-то от нее помощь.

Только я не то, что не взяла. Категорически запретила ей о них Решетину заикаться. Не уверена, что тот откажется, узнав. Чтобы свою шкуру спасти, он на всё согласится и не поморщится.

Может, конечно, я слишком нагнетаю и мужа оговариваю, но в последнее время ни о чём хорошем уже не думаю. И Сергею не доверяю.

А мама. Мне и того, что она нашу ораву к себе в дом жить пустила и еду на всех готовит – уже за глаза и за уши как помощи хватает. Большого не надо. Тем более, денег.

– Сергею здесь у нас нужную сумму не заработать, – отвечает мне свекровь. – Те заказы, что он сейчас выполняет, с прибылью, но много не дадут. В Москву ему надо возвращаться и идти к тому хозяину гостиничного бизнеса на поклон. Просить разрешение вернуться и доделывать уже практически завершённые объекты.

По сути вариант верный: исправить недочёты и получить расчёт. Вот только есть одно большое «но». О нём и напоминаю.

– Чтобы доделать и сдать объекты, Галина Антоновна, нужны деньги на новые материалы и зарплату рабочим. Иначе они не поедут.

Свекровь кивает.

– Правильно, Зоя, всё упирается в средства. И они будут. Мы с отцом дачу через неделю продаем.

– О, как. Понятно, – скрываю удивление. Только уточняю. – Сосед, про которого вы упоминали, у вас берёт?

– Да, он. Савельич даже на большую сумму согласился. Кстати... а ты уже выставила свою машину на продажу?

Вот уж не думала, что она про нее спросит. Но раз уж дело дошло...

Отрицательно мотаю головой.

– Нет. Не выставляла. И не собираюсь.

– Почему?

Возмущение игнорирую и бросаю короткий взгляд на слегка побледневшую маму – она была не в курсе. Подмигиваю ей и отвечаю, не испытывая ни капли сомнений.

– Потому что она нам самим нужна.

Через пару месяцев уже дачный сезон начнется. Маме надо будет рассаду в теплицу перевозить. И летом мы на дачу ездить будем, да и на речку с детьми или в лес выбираться. Мало ли куда... Сергея-то по любому не допросишься.

И вообще... с какого фига я должна оправдываться?!

Просто не хочу расставаться со своей любимой машинкой! И всё! С какой стати?!

– Зоя... но все мы чем-то жертвуем, чтобы решить проблему.

Усмешку сдержать не получается. Да я и не особо стремлюсь.

– Правильно, Галина Антоновна, – соглашаюсь, хмыкнув. – И мы с детьми уже пожертвовали *нашей* трехкомнатной квартирой. А свою малышку я не продам. Вопрос закрыт. К тому же она старенькая, и много за нее не выручить.

Решетина поджимает губы, всем видом выражая недовольство, но в этот момент в комнату забегают улыбающийся Димка и всех нас зовет пить чай.

Уже за столом как бы между делом уточняю у свекрови про кредит, который собрался брать мой муж, но та про сей момент не в курсе. Обещает рассказать, если узнает. И больше мы к теме долгов Сергея не возвращаемся. Незачем детей втягивать. Да и про них самих поговорить интереснее.

Спустя полчаса Галина Антоновна отодвигает от себя пустую чашку, прощается и покидает квартиру. Я же беру маму за руку и, чтобы успокоить окончательно, даю ей слово, что машину ни за что не продам.

Глава 12

Зоя

Сергей возвращается домой ожидаемо поздно. Но я упорная, его дожидаясь. Услышав бряцанье ключа в двери, поднимаюсь с табуретки, на которой сидела в кухне, читая книгу в телефоне, и иду в прихожую.

– Нам надо поговорить! – произношу негромко, чтобы не разбудить уже прилѣгшую спать маму. Дверь в ее комнату закрыта, но я не особо полагаюсь на звукоизоляцию, которой в квартире нет.

– Я устал, Зоя.

Решетин знакомо поджимает губы, когда что-то идет в разрез с его желаниями, но в этот раз я не даю ему повода увильнуть.

– Мне хватит и десяти минут.

Тяжко вздохнув, сдается и кивает в сторону кухни.

– Окей. Поставь тогда чайник, я кофе выпью.

И устремляется в сторону ванной.

Поставить чайник мне нетрудно, как и достать из холодильника тарелку с нарезкой, а из хлебницы батон. Руки сами собой выполняют привычный набор действий, пока мозг спешно настраивается на диалог.

– Могу еще плова разогреть, если хочешь, – предлагаю, когда Сергей проходит на кухню и, выбрав табуретку возле батареи, опирается на нее спиной.

– Не надо. Я не хочу.

Пожимаю плечами. Не хочет, ну и ладно. Мне, в общем-то, всё равно. Даже переживание, что раньше внутри шевелилось, когда он отказывался от еды, теперь словно атрофировалось.

С каждым днем я всё отчетливее замечаю, что мы с Сергеем не просто отделились друг от друга, мы *уже* стали чужими людьми. Мне рядом с ним неуютно. Не интересно, что с ним происходит, и чем он занимается в течение дня. Я не звоню ему, как раньше, и не пишу сообщения. А он так тщательно избегает меня, только бы не оправдываться и лишний раз не испытывать чувства вины, которую я ему своим присутствием «навязываю», что кажется этого даже не замечает.

Единственное, что еще пока нас объединяет – это двуспальная кровать, на которой мы спим, каждый откатившись поближе к своему краю. Все три недели ни в обнимку, а врозь. О сексе даже разговора не идет.

И, положив руку на сердце, в эту минуту я честно готова признать, что, будь у меня возможность найти другое койко-место, я бы непременно туда переселилась. Мне было бы комфортнее одной. Намного комфортнее.

Решетин, сам того не понимая, сделал мне настолько больно, что я не верю, будто нашу семью еще можно спасти.

Почему?

Всё просто. Я не представляю, как жить с человеком, которому больше не доверяю, от которого ежедневно жду очередной удар в спину, кого считаю не опорой, а гирей, тянущей на дно.

– Зачем ты пытался втянуть в свои дела Светлану? – задаю вопрос, придвигая к Сергею чашку с кофе.

Себе тоже завариваю. Всё равно спать не хочу.

– Уже доложила, – ехидно фыркает муж. – Я в общем-то не сомневался. Щербинина всегда была себе на уме.

– Она всегда была и остается *моей* подругой, – поправляю его, делая акцент на слове «моей» – потому ты на нее, пожалуйста, не рассчитывай.

– Да я уже понял. Рассчитывать не буду.

Сергей обхватывает ладонями чашку и устремляет в нее свой смурной взгляд. На меня не смотрит. Я же, немного подумав, вкратце рассказываю, что приходила его мать, и о чем мы с ней говорили.

– Я с тобой согласен по поводу машины, Зой. Не надо тебе ее продавать. Еще неизвестно, насколько я уеду и как часто буду возвращаться.

Мнение Решетина, клянусь, меня приятно удивляет. Почему-то я думала, что свекровь действует с его подачи, а он, оказывается, даже и не знал.

– То есть... ты не будешь настаивать?

Уточняю, всё еще ощущая небольшую растерянность. Готовилась к очередной битве, а тут со мной не воюют.

– Нет. Не буду, – в этот момент Сергей все же смотрит мне в глаза. – А вот свой мерседес я уже выставил. Его за два с копейками ляма в среду забирают. Получу деньги, сразу куплю себе бэушную газель для работы, а остальное вложу в дело.

В дело – это правильно. Главное, чтобы точно в дело, и то пошло.

– Сколько ты уже долгов отдал? – выясняю сумму.

Хочется хоть что-то понимать в раскладе.

– Соколу – пять двести, Юренкову еще ни копейки.

Не особо много. Качаю головой.

– Получается, у тебя все деньги в материалах зависли? – раскладываю информацию в голове по полочкам. – А дебиторка хоть какая-нибудь есть?

Сергей отводит взгляд, жует губы.

– Да ответь ты мне хоть что-нибудь! – не выдерживаю давящей тишины.

– А что я могу ответить?! – вскипает и сразу гаснет. – Нет никаких материалов, Зоя. И дебиторки тоже нет.

– Как нет?

– А вот так! Я все деньги проиграл. Подчистую. Борисовы у меня даже офис забрали. Бухгалтерские документы и ноутбук в машине теперь катаются.

– С ума сойти, – растираю лицо и лоб. – И что ты делать собираешься?

– В Москву ехать.

– К Юренкову? – припоминаю фамилию. Ловлю согласный кивок и уточняю. – Серёж, а если все же у тебя получится закрыть его объекты... ты с ним по нулям выйдешь?

Жмет плечами.

– Не знаю, Зоя, не уверен. В понедельник поеду, буду разговаривать.

Не знаю. Буду разговаривать...

И снова никакой определенности.

– Господи, ты хоть больше не играешь?! Скажи правду! – выпаливаю в сердцах. – Ведь так же никаких денег не напасешься?!

– Нет, конечно, не играю! – смотрит мне в глаза.

А я смотрю в его. Слушаю его ответ и... не верю.

НЕ-ВЕ-РЮ!

Может, он не играет лишь потому, что больше играть не на что?!

Глава 13

Зоя

В воскресенье Сергей снова отсутствует.

К обеду звоню ему напомнить о вчерашнем обещании отвезти меня в магазин за продуктами и забрать оттуда, чтобы я не таскала тяжелые сумки в руках. Гудки идут и идут в никуда, трубку он не поднимает. Поэтому, плюнув, пишу эсэмэску.

В ответ через полчаса прилетает почти ожидаемое:

«Занят, отъехал по своим делам в район».

И еще пять минут спустя:

«Давай где-нибудь в районе восьми скатаемся. Раньше мне по-любому никак».

Ну никак и никак.

«Окей», – набираю коротко и, отбросив телефон в сторону, соглашаюсь пойти с Димкой и Ингой на каток.

Что ж теперь из-за одной неудачи весь выходной на помойку выкидывать?!

Не скажу, что на льду я – профи, но за многие годы зимних вылазок с детьми, вполне уверенно научилась стоять на коньках, разгоняться и не падать, рисовать фонарики и даже скользить, поочередной меняя ноги.

Выбравшись на улицу, радуюсь, что не отказалась. Погода прекрасная. Небольшой морозец, безветренно и очень-очень солнечно. Так, что даже глаза слезятся.

– Ну наконец-то весна чувствуется, – озвучивает мои собственные мысли Инга, когда мы, притормозив с ней у бортика, решаем чуток передохнуть.

– Да, пора бы уже. Как-никак почти середина апреля, – поддакиваю, а услышав новую веселую мелодию, что играет из колонок, поднимая настроение, киваю в сторону усвиставшего вперед Димки, – пойдем-ка, дочь, его догонять!

В шестом часу вечера, едва передвигая ногами, возвращаемся домой. Уставшие, промокшие до нитки – ну как же было не повалиться в сугробах и не покидаться снежками, раз уж решили идти в отрыв! – а на лицах счастливые улыбки до ушей.

– Срочно переодеваться и за стол! Буду вас горячим чаем с малиновым листом отпаивать и оладушками из кабачков кормить, – командует мама, узрев в каком мы виде заявили.

Спорить никто не берется. Дураков нет.

Чай пьем с удовольствием. Некоторые даже по паре чашек, а потом разбредаемся куда-куда и укладываемся повалиться.

Сергей выходит на связь в начале девятого.

«Буду через полчаса у подъезда. Собирайся!»

«Спасибо, но нет. Уже поздно, я легла отдыхать», – отбиваю в ответ и никак не реагирую, получая обидчивое:

«Ну не нет, так нет. Тогда еще задержусь на работе»

– Да пожалуйста, кто ж против, – комментирую вслух и скидываю переписку в сторону.

Возвращаюсь к увлекательной истории, которую прочитала уже до половины, и засыпаю еще до того, как Решетин переступает порог дома.

Понедельник наступает по расписанию. Дети утром после завтрака отправляются на учебу. Я на работу. Сергей уезжает в столицу.

– Буду каждый день звонить, – предупреждает он меня перед уходом, потянувшись за поцелуем.

И чмокает. Только в щеку, которую я ему в последний момент подставляю.

Не хочу в губы.

Как представляю, аж внутри всю корежит. Будто бабка отшептала.

И что удивительно еще более, все последующие дни я о нем не переживаю. Пишет, что у него «всё норм», и ладно, значит жив и здоров.

До пятницы ничего интересного не происходит. Только Димка интересуется:

– Мам, вы с отцом поссорились что ли? Даже по телефону почти не общаетесь.

– Можно сказать и так, – выдаю, немного подумав.

– Он накосячил?

Хмыкаю.

Слово-то какое не литературное, но ситуацию описывает чётко. Не подкопаешься.

– Накосячил, да, – соглашаюсь, а, чуть подумав, добавляю. – И так сильно, сынок, что всем нам теперь надо быть осторожными.

– Почему?

– Потому что нехорошие люди теперь на него зуб точат. А может быть, даже на нас.

Не в моих правилах обманывать детей или замалчивать о проблеме, тем более, если она серьезная. Неправильно это, а порой и чревато плохими последствиями. К тому же и сын, и дочь – оба уже немаленькие. Инга – совершеннолетняя. Димке через год с копейками паспорт получать, а значит, привыкать к ответственности.

И ведь жду, что возмутится или закидает вопросами.

А он выдает невероятно серьезным тоном:

– Ну теперь понятно, почему бабуля порой по вечерам тихонько плачет. Она за нас всех переживает.

И в глаза мне заглядывает. Взглядом недетским. Подтверждения ищет.

Стою в шоке. Рот открываю, закрываю и толком ответить не могу.

Мама... плачет...

А я даже не заметила. Проморгала и не предположила. Но Димка ж это не с потолка взял. Значит, так оно и есть.

И так внутри горько становится, что еще и маму я в свои беды втянула... так тошно и стыдно, что не уберегла ее, не оградила... и вместе с тем, так обидно за себя саму...

Глава 14

Зоя

– Зой, слушай, дорогая, я тут с умными людьми консультировалась. У твоего Решетина всё плохо и просвета не намечается. Можешь на меня обижаться, я пойму, но тебе срочно нужно с ним разводиться.

– Зачем?

Закрываю папку, в которую смотрю, но всё равно ничего не вижу, и, подперев сцепленными в замок пальцами подбородок, устремляю взгляд на Свету.

– Затем, что это пока на нем неофициальный долг висит. А ну как его по всем правилам оформят? Через суд. Или кредиты взять заставят. И пойдешь ты за ним прицепом, как одна семья. Будешь отдавать свои родные, трудом заработанные за то, к чему никакого отношения сама не имеешь.

Представляю подобный вариант развития событий и непроизвольно веду плечами, чтобы стряхнуть даже воображаемые долги, что обрушиваются на мои, совсем не ждущие их плечи.

Светланка же, подавшись вперед, понижает голос, будто под дверью кабинета кто-то нас может подслушивать.

– Зой. По сути, развод – это твоя подушка безопасности. А не удавка. Всё, что навесят на Серёгу, придется разгребать Серёге, а не тебе. Плюс ты сможешь оформить алименты за Димку, какая-никакая, а все же копеечка к зарплате станет капать. И даже если с Решетина будут высчитывать долги, то сначала переведут деньги тебе, а уж потом у него отнимут остальное. При этом вы с ним сможете и дальше спокойно жить вместе, как муж и жена, и никому о разводе не сообщать, если тебя это больше всего беспокоит.

Вместе как муж и жена...

Мысленно проговариваю последнюю фразу и едва не морщусь.

Вот этот пункт как раз таки меня смущает меньше всего.

Пугает другое. Это идти в суд и давать пояснения...

Спрятав лицо в ладони, качаю головой.

Никогда не думала, что стану задумываться о разводе. Тем более на пятом десятке, когда некоторые люди уже всерьез смотрят в сторону пенсии.

– Спасибо, Свет, что поделилась мыслями, – дергаю уголки губ вверх, хотя еще сильнее их хочется опустить. – Я подумаю, над твоими словами, но пока ничего обещать не буду.

И я реально думаю.

Всю пятницу и субботу. И даже воскресенье с понедельником.

А во вторник, едва захожу домой и скидываю сапоги, в дверь звонят. Предполагая, что это кто-то из соседей пришел к маме, распакиваю дверь.

На пороге стоит незнакомая мне женщина лет пятидесяти пяти, ярко накрашенная и хорошо одетая. Пудрового цвета пальто с мехом, дорогая сумка и обувь.

– Это вы – жена Сергея Решетина?

А вот голос у нее неприятный. Визгливые нотки резко бьют по ушам.

Да и внешность – не припомню я в подъезде таких жильцов.

– Да, я. Что вы хотели?

– Ваш муж должен мне денег.

«Еще и вам?» – шалею мысленно, вслух же хмуро уточняю:

– А вы, в общем-то, кто?

– Ираида-процентщица, слышали обо мне?

Отрицательно качаю головой, но представившаяся Ираидой никак не реагирует и, предупредив: «Щас! Одну секунду обожди!», вытаскивает из своей сумки несколько сложенных на четыре части листов формата А4.

– Держите, – впихивает их мне в руки и резко шагает вперед, в квартиру, нагло меня тесня.

Отступаю, теряясь от столь дерзкого напора. Открываю рот, чтобы поставить дамочку на место, но она отмахивается и тычет длинным, некрасиво выгнутым наращенным ногтем в бумаги.

– Читайте внимательно, уверена, вам будет интересно.

Читаю.

Расписка. Первая на триста тысяч. Вторая на Пятьсот. Третья еще на двести.

– Серёга мне миллион должен, – озвучивает Ираида то, что я в уме уже сосчитала. – И это без процентов, заметьте. Через неделю не отдаст, они станут капать, а я в суд пойду.

– А от меня вы чего хотите? – уточняю, возвращая бумаги.

– Чтобы вы ему мои слова передали. И напомнили, что прятаться от меня – не вариант.

Всё это незваная гостья высказывает, глядя не на меня, а дерзко изучая мамину квартиру. И вдруг прищурившись, добавляет:

– Кстати, я недвижимкой торгую. Могу и вашу хату за долги по сходной цене забрать, а разницу деньгами перекрыть.

– Еще чего! – вспыхиваю и делаю шаг, тесня нахалку к двери. – Это квартира моих родителей и никакого отношения к Решетину не имеет. Он здесь даже не прописан! Уходите!

Лыжникова, а именно такая фамилия написана в расписке, недовольно кривится, но к двери отступает. Только на пороге замирает и, демонстрируя нереально белые зубы, ехидно произносит:

– У меня лучшая подруга – судья. Так и передай своему благоверному. Соскочить или кинуть меня у него не выйдет!

Глава 15

Зоя

Я бы с удовольствием передала своему благоверному и слова Лыжниковой, и много всего нелитературного лично от себя, но Сергей, будто даже за сотни километров от дома шкурой чувствуя мой негатив, трубку не берет.

Дел у него неупорот или реально шифруется, предполагая выволочку, ответить не могут ни свекор, ни свекровь, которым я набираю. О да, не собираюсь скрывать от родственников Решетина, какой Сережа кругом молодец. Пусть знают. И видят.

А то почти двадцать пять лет за ним замужем, но до сих пор вспоминаю первое знакомство с его родителями. Как те мне сына презентовали. Красавец, молодец, краснодипломник с высшим образованием и уже заместитель главного инженера на ведущем предприятии города. Естественно, благодаря связям папы, но факт-то на лицо. А ты, мол, Зоя, что хорошего о себе рассказать можешь?

И ведь рассказывала, стесняясь и краснея. И о высшем образовании, которое заочно получаю. И о работе в администрации, куда меня взяли тоже по блату, спасибо мамочке, сначала временно, пока основной сотрудник в декрете, а позже уже на постоянку и по специальности.

Неуверенная в себе была. Зеленая и почти нецелованная девчонка.

Зато теперь другая. Повзрослевшая, снявшая розовые очки и отчетливо понимающая, что муж слился, а дети и проблемы остались.

А еще окончательно уверившаяся в мысли, что всё. Это конец.

Баста! С меня хватит!

Хватит. И всё тут.

Больше я не хочу и не буду тянуть лямку под названием «брак с Решетиным».

Развод.

В понедельник, еще раз все подробно выпросив у Светы, отпрашиваюсь у Барановского, первого зама главы, который курирует мою службу, еду в участок мирового судьи и подаю два заявления. На развод. И на алименты.

– Через пять дней, будет назначена дата предварительного судебного заседания, – оповещает девушка-секретарь, вклеивая штамп на моем экземпляре и быстро его заполняя. – О дате и времени я вас предупрежу.

Киваю.

– А когда примерно ждать это заседание?

– Через месяц.

И следующие недели я жду.

Решетину уже не звоню, мне больше не интересны его дела и проблемы. А когда обо мне вспоминает он и выходит на связь, чтобы в очередной раз поплакаться, откровенно сообщая, что поезд ушел, и моя жилетка отныне для него не работает.

– Мам, вы, правда, с папой разводитесь? – поднимает вопрос долго молчавшая Инга.

На дворе первая неделя мая. Мне через полчаса выезжать в область. Настал день сдавать прогноз, который мы со Светой таки сделали и теперь должны защитить в Министерстве.

Дочке и сыну через пятнадцать минут бежать на учебу. Но они оба, вместо того чтобы тянуться к бутербродам и спешно завтракать, сидят, сложив руки, и не сводят с меня глаз.

Возвращаю сыр, который только хотела отправить в рот, обратно на тарелку. Смотрю на каждого по очереди.

– Правда, – отвечаю на вопрос.

– И других вариантов нет?

– Ни одного.

– Фигово.

Пожимаю плечами.

Мое мнение на этот счет абсолютно иное.

Жалею лишь о том, что целый месяц тянула, наивно веря в сказки. Сразу надо было действовать.

– А еще я рассматриваю вариант куда-нибудь отсюда переехать.

Реакции на свои слова жду любой, но не столь негативной, как получаю.

– С ума сошла?! – взвизгивает Инга. Со скрежетом ножек по плитке отодвигает табуретку и вскакивает, едва ту не роняя. – Какое переехать, мам? У меня диплом через месяц. А там и на работу есть вариант устроиться. Я отказываюсь! Категорически! Так и знай!

– И я не хочу. У меня тут друзья и секция, – поддакивает сестре Димка.

Этот не орет. Но смотрит непримиримо.

И да, я их обоих прекрасно понимаю, сама не представляю, как быть. И как строить жизнь дальше. Но, едва вспоминаю вчерашний разговор с Барановским, щеки опалает жаром, а сердце заходится в диком ритме от страха.

– Зоя, пойми правильно. Сокол с бабами не воюет, но от фамилии Решетин его кроет. Не зря твой Серый сбежал, унося ноги. В этом городе не будет вам житья, попомни моё слово. Уезжать тебе надо. Чем быстрее, тем лучше. Брать детей и уезжать.

Глава 16

Зоя

В области сорок с лишним районов, и, чтобы избежать столпотворения при сдаче и защите отчетов, нас традиционно разделяют на небольшие группы. Каждой назначают свой день.

Мы едем втроем. Я, Светлана и Титоренко.

Замглавы присутствует не то чтобы для массовки, хотя по большей части так оно и есть, но и с определенной миссией. Как любой хороший руководитель, он уверен в себе, умен, умеет красиво и долго говорить, а еще харизматичен, высок, худощав и симпатичен. Короче, для общения с некоторыми себе на уме дамочками – заведующими отделов Министерства просто незаменим.

За много лет мною проверено. То-то мы раньше остальных сдаем отчеты по финансам и сельскому хозяйству, на которых другие неизменно стопорятся.

Заняв очередь в кабинет, где принимают сводки по здравоохранению и культуре, оборачиваюсь на остановившийся на этаже лифт и улыбаюсь, заметив выходящую из него Наталью Рогову.

– Ого! И вы тут сегодня? – киваю ей вместо приветствия.

График, по которому распределяли районы, я видела мельком. И то, что Лесной отчитывается вместе с нами, как-то упустила из виду.

– И мы, – соглашается она. – Точнее, я. Одна.

– В смысле? Одна?

Чтобы не делать разговор достоянием чужих ушей, оставляю Светлане папку и очередь, а сама подхожу к Наташе поближе.

– А где все твои остальные?

– Так нет никого, Зой.

Негромко переговариваясь, мы устремляемся по коридору в сторону окна.

– Помнишь, я тебе про Зубареву говорила? Что после ее ухода в нашей администрации никого толкового не осталось? – напоминает коллега и, дождавшись моего утвердительного кивка, продолжает. – Ну вот, третий месяц уже новыми кадрами укомплектовываемся. И если в другие отделы людей кое-как подтянули, то в экономику спецов днем с огнем не сыщем.

– Да ладно! Экономистов кругом тьма тьмущая.

Усмехаюсь по-доброму.

А Наталья не соглашается:

– Может, и тьма тьмущая, Зоенька, только нам не просто с корочками об образовании челы, как мой сын выражается, нужны, но и с мозгами.

– И что? Реально в этом проблема?

– Реально, – серьезно отвечает Рогова и, чуть поморщившись, добавляет. – Мы два месяца назад одну деваху взяли. Грамотная оказалась и опыт приличный, но она как увидела объем работ и зарплату, которую за это будет получать, так через три недели хвостом вильнула. Только ее и видели. А потом я узнала, что она на нефтебазу устроилась, где зарплата в два с лишним раза выше. И ведь правильно сделала, между нами говоря. Без стажа и надбавок, на одном окладе далеко не уедешь, когда семью надо кормить.

– Это точно, – киваю, соглашаясь.

Сама уже успела почувствовать разницу.

Порываюсь уточнить еще один момент, но тут дверь в нужный мне кабинет открывается, оттуда высовывается улыбчивая физиономия Титоренко и замглавы машет мне рукой.

– Зоя Михайловна, шуруй скорее сюда, тут тебя Алла Леонидовна очень жаждет кое-чем порасспрашивать.

Ага. Вот и наше время пришло.

– Конечно, уже бегу.

Извинившись перед Наташей, киваю Светлане, чтобы она не медлила и тоже заходила внутрь, и последней устремляюсь к областному начальству сдаваться. Вернее, сдавать прогноз и подписывать бегунок, разрешающий отбытие.

В город возвращаемся около пяти вечера. Уставшие, но довольные, что отчитались по всем пунктам и не имеем долгов. Такой груз с плеч спихнули – поймет только тот, кто в теме.

Водитель вновь подкидывает до дома. А там, отказавшись от ужина, что предлагает мама, я закидываюсь таблеткой обезбола – в висках стучит так, что дятлы-трудяги бы обзавидовались – и падаю на кровать. Хотя бы часик подремать, чтоб стало легче.

Но вместо легкой дрёмы будто в пропасть ухаю, вязкую и глубокую. И с трудом раздираю веки, когда мама тихо, но настойчиво трясет меня за плечо.

– Зоенька! Зоя, просыпайся скорее. Кажется, с Ингой что-то приключилось. Она зареванная домой примчалась и сразу в ванной заперлась. Я стучу-стучу, а она не открывает. И плачет там, Зой, я слышала.

С кровати как ветром сдувает. Не до конца проснувшись, лечу к дочери и только чудом не задеваю углы и не сношу попавшуюся под ноги Ингину сумку.

Дергаю дверью на себя, зову по имени свою кровиночку и обещаю выдрать замок с мясом, если она мне не откроет.

Открывает.

Бледная. Растрепанная. С алыми пятнами на шее. И паникой в глазах.

Секунду мы смотрим с Ингой друг на друга. А потом моя девочка жалобно всхлипывает и бросается в мои объятия.

– Мамочка, мама, ты говорила, что хочешь уехать. Мамочка, давай уедем, пожалуйста. Я очень хочу. Чем скорее, тем лучше.

Глава 17

Зоя

– Зоя Михайловна, поверь, мне неприятно тебе это говорить. Да еще сейчас, когда из Министерства приказ сбросили, чтобы вас с Щербининой благодарственным письмом отметить и премию выписать за прекрасно проделанную и сданную в работу...

Глава района вызвал к себе перед самым обедом и, велел Юлии, секретарю в приемной, никого к себе не впускать, предложил мне присесть за стол.

И вот я сижу, а мужчина, наделенный в нашем городе существенной властью, недовольно поджимает губы.

– Говорить о чем? – подталкиваю его, хотя внутри уже догадываюсь, что последует дальше.

– На меня давят, – выпаливает он невпопад.

Дергает галстук, будто тот его шею душит, и наклоняется к папкам, сложенным стопкой на краю стола. Что-то ищет. Не находит, матюгается. Рывком тянет на себя выдвижной ящик тумбы, шебуршит в ней. Наконец достает чистый лист бумаги и подталкивает его ко мне. Следом протягивает ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.